

ЕВГЕНИЙ ЭРАСТОВ

МОЛЧАЛЬНИЦА ИВА

* * *

Жизнь — это яркий, волнующий случай.
Вновь предо мною родная река,
Трепетный мир соловьиных созвучий,
Тонко-ребристая тень ивняка.

Вновь я кукушечью слышу погудку,
Селезня вижу на глади пруда.
Здесь на полянах растёт незабудка —
Я не забуду её никогда.

Родина — что это? Липы, берёзы,
Утренним ветром колеблемый флаг?
Жирные мухи, стальные стрекозы
И земляничкой пропахший овраг?

Клевер, разросшийся во поле чистом?
Чайка, махнувшая белым крылом?
Памятник Ленину в парке тенистом?
Девушка с белым овальным веслом?

ЭРАСТОВ Евгений Ростиславович родился в 1963 году. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Публиковался в журналах "Волга", "Москва", "Дружба народов", "Звезда", "Наш современник", "Новый мир", "Сибирские огни". Автор четырех поэтических и трех прозаических книг. Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

Я упрекнуть тебя, мир, не сумею:
Сколько бы ни было горьких примет,
Я повторю, что совсем не жалею,
Что появился однажды на свет.

Может, поэтому так горделиво,
Вся в ореоле поникших ветвей,
Смотрится в Волгу молчальница ива,
И бесшабашно трещит соловей.

* * *

Как берег зелен и тенист!
Здесь носятся стрекозы,
Обнял кувшинку остролист,
Стоит июль, но жёлтый лист
Трепещет на берёзе.

На небе ласточки парят,
Повсюду — пятна света.
К чему так часто говорят:
“Июль — макушка лета?”

Уже притихли соловьи,
Бухгалтерша-кукушка
Счета забросила свои —
Какая тут макушка?

В заросшем тиной озерце,
С печальной миной на лице,
Спит квёлая русалка.
...Тебе о жизненном конце
Шепнет листочек жалкий.

Среди зелёной, молодой,
Блистательной когорты
Обласкан мёртвою водой
Листочек этот жёлтый.

Листочек жёлтый, словно свет
Полночного эфира,
Слепой, мучительный привет
Того, иного мира.

* * *

В старом, притихшем саду
Пахнет созревшей малиной.
Утка на тёмном пруду
Выводок тянет утиный.

И на втором рубеже,
Тайной объят тишиною,
Думаю: “Это уже
Было когда-то со мною”.

Ряска на глади пруда,
Тихие эти закаты,
Мутная эта вода...
В чем мы с тобой виноваты?

В том, что не сладко спалось
В бешеном атомном веке?
В том, что со дна поднялось
Худшее всё в человеке?

В том ли, что танки прошли?
В том, что палят миномёты?
Что полегла в ковыли
Лучшая в мире пехота?

Мокрым веслом отведу
Старую, вялую тину.
Утка на мутном пруду
Выводок тянет утиный.

* * *

Здесь всё уже не так — не так цветет кипрей,
И ласточка парит над волжскою волною
Совсем уже не так. Мы сделались мудрей,
Отчаянней, грустней — и что тому виною?

Здесь всё уже не так. Кружатся в голове
Пять этих гулких слов, и худшее пророчат.
“Здесь всё уже не так”, — мне слышится в траве.
“Здесь всё уже тик-так”, — кузнечики стрекочут.

Вселенский кавардак. Простуженный скворец.
Колодезной воды серебряный стаканчик.
Зачем тебе туда, где розовый малец
Шатался босиком и дул на одуванчик?

В ту тёплую страну, где ласточка легка,
Где свежи и чисты младенчества порывы,
Где в небе голубом застыли облака,
Где всё ещё с тобой, где все добры и живы.

Где все ещё с тобой, и живы, и добры,
И жизнь твоя течёт ни шатко и ни валко.
Но что тебе, дружок, до сладкой той поры?
Здесь всё уже не так, да это и не жалко.

* * *

Как постичь такую высоту?
Где же ты, божественная проза?
...Ветерок колеблет бересту
На стволе раздвоенной берёзы.

Клевером пропахшие луга.
Поцелуй, дарованный Иуде.
Неужели жизнь не дорога?
Ведь другой, наверное, не будет.

Ведь другой не будет... Оглянись!
За тобой — столкое пространство,
Гулкая, распахнутая высь,
Звёздное склерозное убранство.

Звёздная пастозная тоска.
Облаков причудливые тени.
Тоньше нитяного волоска
Дребезжит у правого виска
Лишь воспоминанье о мигрени.

На песчаной отмели, в тиши
Спят на солнце камни-голыши.
Над водою носятся стрекозы.
И судьба светла и высока.
Летняя Ветлуга. Облака.
Силуэт раздвоенной берёзы.